

Сергей Харитонов

ВСЁ К ЛУЧШЕМУ

РАССКАЗЫ

Москва 2019

Сергей Харитонов
Всё к лучшему. Рассказы

«Издательство «Перо»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Харитонов С. В.

Всё к лучшему. Рассказы / С. В. Харитонов — «Издательство
«Перо», 2019

ISBN 978-5-00122-930-8

Война, 90-е годы, наше время – небольшие зарисовки из жизни граждан нашей страны. Иногда с примесью фантастики. Большинство из этих историй было на самом деле.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-930-8

© Харитонов С. В., 2019
© «Издательство «Перо», 2019

Содержание

Девушка с характером	6
Подарочек	10
«Необычный подарок»	11
Почти «дорожная история»	14
В такси	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Харитонов
Всё к лучшему
Рассказы

© Харитонов С. В., 2019

* * *

Девушка с характером

Маринка, как потом рассказывали её родители, родилась в тот день, когда Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР, Герой Советского Союза, трижды Герой Социалистического Труда Никита Сергеевич Хрущёв стучал ботинком по столу в Нью-Йорке на заседании 15-й Ассамблеи ООН. Интернета тогда ещё не было, а телевизор считался неслыханной роскошью. Да и то только среди тех, кто про него вообще слышал. А большинство населения страны, жившее в деревнях и посёлках, радовалось электричеству, громкоговорителю посреди улицы, кинопередвижке по праздникам или, если председатель колхоза пробивной, по выходным. И потому слух о ботинке, облетев земной шар, наткнулся на железный занавес границ великой страны и медленно, как туман утренний, стал вползать через уже появившиеся коротковолновые радиоприёмники на кухни диссидентствующей интеллигенции в городах.

Именно в такой семье Маринка и родилась. Всё было прилично и благополучно. Папа – младший научный сотрудник в одном из секретных институтов, мама аспирантка МЭИ. Оба в меру диссидентствующие, поругивающие на кухне партию, выписывающие «Иностранку». И портрет Хемингуэя на стене.

Сталин развенчан, коммунизм через двадцать лет наступит, а пока комнату вот в коммуналке дали в связи с рождением ребёнка. И революции по всему миру, и все люди – братья. Ну, почти все, кроме той американской военщины, которой наш Хрущ уж как пригрозил, поставил её на место. И хоть принято партию поругивать, а гордость за страну и её руководителя есть.

Короче, время было весёлое и боевое. Время надежд. И энергетика тех дней вошла в Маринку с первым дыханием, с первым криком.

Росла девочка боевой и весёлой. Надувала через соломинку лягушек, засушивала жуков и бабочек, потом выхаживала найденного на земле птенца, хомячка у подруги лечила и к шестнадцати годам твёрдо решила стать врачом. Последний год в школе зубрила химию, русский и анатомию, но весной, уже во время выпускных экзаменов, состоялся семейный совет, на котором родители, взвесив свои возможности, связи и знакомства, решили, что преодолеть конкурс в двадцать три человека на место не получится. И поступить легко можно только в МЭИ, где мама была уже доцентом кафедры теплоэнергетики.

Но романтика больших турбин, дающих свет людям, Маринку не впечатлила, и был выбран запасной вариант – к тётке во Владивосток, в тамошний мединститут. Там и требования пониже, и учиться полегче. А тётя Валя приютит, накормит и присмотрит, чтоб не загуляла.

На улице лето молодое, листики свежие, светло-зелёные, пух тополиный. Солнышко тёплое, духотой многодневной не надоевшее.

И нервотрёпка экзаменов, и вечер выпускной, танцы, рассвет в Лужниках – всё пролетело как один миг. Вот уже Маринка поднимается по трапу самолёта, оглядывается и кажется ей, что она видит сквозь стеклянную стену аэропорта заплаканную маму.

И чего реветь? Не на каторгу же едет – учиться!

Со вступительными экзаменами проблем не было, и вот уже она – первокурсница. С таким упоением окунулась в учёбу, что спать забывала. Некогда – всё лекции да семинары. С утра до вечера. Короткие каникулы с книжкой на диване проведённые, и опять – с утра до вечера. А весной, в апреле, вдруг как-то раз три пары отменили. Пошли с девчонками по бульвару прогуляться – тут-то Маринка и вынырнула из забвения учебного. Вокруг поглядела – а навстречу ей парень-морячок идёт.

Хорошо, что лето уже было близко и хвостов накопить Маринка особенно не успела. Эдуард, второй штурман с теплохода «Красная Украина», дождался конца профилактического ремонта своего корабля и времени свободного у него на берегу было полно.

Корабль чинился, сессия кое-как спихивалась, и к середине июля Маринка поняла, что беременна.

Сначала испугалась, потом обрадовалась, Эдику сказала. Стали строить совместные планы, как дальше жить. Официально к тётке Вале переехали, заявление в ЗАГС подавать собрались. Всё здорово. Только однажды вечером Эдик домой к тётке не пришёл. И утром не объявился. Маринка туда-сюда, по знакомым звонить, в порт поехала – а «Красной Украины» нет.

Где? Куда?

– Дак вчера ещё ушла. В кругосветку, на восемь месяцев.

– Она в пароходство, мол Эдик, муж мой, штурман...

А там паспорт попросили, головой сочувственно покачали, штампика из ЗАГСа не найдя и, вздохнув, позвонили в отдел кадров. Минут через десять ответ – Эдик действительно есть, штурман. И трудится на «Красной Украине», точно. Только видите ли, девушка, жена у него дома в Мурманске, мужа своего героического, в плавание на корабле научном ушедшего, ожидает...

В феврале, сразу после каникул, Никита родился. Первую неделю тётка ещё терпела, а потом насупилась, стала бубнить, что, мол, с дитём-то какая учёба. И после второго курса Маринка вернулась домой, в Москву. Ребёнка – родителям, благо, мама-доцент свободный график имела, да и отец на работе не надрывался, а сама – на вечерний, учиться. А днём санитаркой в больнице.

Пять лет как один день пролетели.

И настала перестройка. Отца сократили первого. Он дома засел, энциклопедию Большую Советскую читать стал. С первого тома. Потом советская наука и промышленность перестала нуждаться в новых разработках в области теплоэнергетики и мама тоже посвятила себя выращиванию внука.

Жрать стало нечего. И Маринка, с дипломом врача, пошла в Лужники.

А в разваливающейся стране к тому времени спортом занимались в основном рэкетеры с бандитами. На стадионах же работали челноки. Кто сам продавал привозимый товар, а кто, подраскрутившись и заработав денег, нанимал продавцов. Вот Маринка и подрядилась стоять на трибуне с 9 до 19 каждый день, за 5 процентов от выручки. Ничего, жить можно – хозяин хороший попался, с деньгами не обманывал. И товар был всегда ходовой, и место бойкое – самый вход на трибуне С. За билет на право торговли на этой трибуне, говорят, по 100 долларов платили перекупщикам.

Утром хозяин баулы привозил, Маринка шмотки раскладывала, чаю из термоса с соседкой, кандидатом филологических наук попьёт, пока толпа не набежала и всё, до вечера покоя не будет. Народ-то сюда со всей страны едет, люди разные. И украсть товар могут, и денег недодать, и фальшивками расплатиться. Глядеть в оба надо. А вечером хозяину по описи всё сдать, деньги отсчитать – короче, раньше девяти домой она за полгода ни разу не приходила. Правда, и денег зарабатывала – по четыреста-пятьсот долларов в месяц. Всю семью кормила. Отец так работу и не нашёл, по второму разу энциклопедию читать начал, а мама с внуком возилась. Вот и выходило, что Маринка – кормилец единственный. Безысходно и перспектив никаких.

А тут соседка, продавец-филолог, в Америку собралась ехать на заработки. С собой позвала. Ну, она хоть язык знает, а Маринка?

Зато диплом врача. Да ещё московский. И ведь образование в СССР самое лучшее в мире было. Так считалось. С таким-то дипломом в Лужниках торговать?

А врачи в Америке знаешь сколько получают?

Короче, соблазнила. Пару месяцев в языке натаскивала, а потом Маринка купила турпутёвку и с накопленными восьмьюстами долларами приземлилась в стране великих и равных возможностей.

План был прост – путёвка на 3 недели. За это время она находит работу по специальности и начинает жить примерно, как в сериале Санта-Барбара.

На второй день пребывания в заокеанском раю выяснилось, что все тут говорят не на английском, а на американском, который только отдалённо напоминает тот академический язык, который Маринка учила в школе и которому натаскивала её никогда не бывавшая за рубежом и не общавшаяся с иностранцами подруга-филолог.

М-да-а, проблема.

Ещё больший сюрприз был в том, что её диплом ведущего московского вуза здесь не котировался. Даже на должность медсестры не брали. Только в техперсонал, нянечкой по-нашему. Утки выносить. Ну ладно, начнем с этого, с малого, а там, глядишь и...

– Ваше разрешение на работу, пожалуйста. И лучезарная улыбка американская.

– Нет разрешения? – ещё одна улыбка. Ещё лучезарнее.

– Очень сожалею, мисс, но ничем не можем помочь.

До отъезда оставалось 10 дней и двести долларов. Назад в Москву на рынок?

Но везде добрые люди есть, и там, в американском далёком далеке, тоже. Пристроили Маринку в мотель пригородный, посуду мыть, да в номерах убирать. Там разрешений на работу не спрашивают, кэшем в конце недели платят, и все довольны. Потом курсы медсестринские подыскались, с оплатой в рассрочку, и получила она визу студенческую. Так год и пролетел – работа да учёба. Денег хватало даже на то, что бы пару сотен домой, в Москву отправлять. А потом, заняв по знакомым 10 000 долларов, купила разрешение на работу и устроилась медсестрой в госпиталь.

Совсем другая жизнь настала – и деньги другие, и чувство опасности ушло. С этого момента судьба, обычно идущая по синусоиде, попала в положительный полупериод.

Сын Никита с бабушкой был перевезён в Америку, папа в России переехал жить на дачу, и квартира осталась пустой. А была та квартира трёхкомнатная, да ещё на Ленинском проспекте, на площади Гагарина. Там два огромных полукруглых дома сталинских стоят. Про их строительство ещё Солженицын в «В круге первом» писал. Вот в одном из этих домов, на четвёртом этаже, окна во двор... Короче, квартиру сдали какой-то консалтинговой конторе на 5 лет, с предоплатой за 1-й год. Так вот, денег получили сразу столько, что хватило на первый взнос на дом в пригороде, недалеко от госпиталя, где работа была. Ну, год долго тянулся, ползарплаты за кредит уходило, казалось, что опять концы с концами почти не сходятся. Да ещё взялась диплом свой врачебный тут, в Америке подтверждать, а на это тоже денег надо.

Однако время летит, год прошёл и стали поступать деньги за аренду квартиры. Ежемесячно. По пять тысяч долларов, без всяких налогов.

Подумала Маринка, посчитала, и ещё дом купила. Тоже в кредит. Да и сдала его. И денег, вырученных от сдачи этого дома, хватало на погашение обоих займов.

Прошло десять лет. Отец Маринки по-прежнему живёт на даче. Теперь это дом со всеми удобствами. Московской пенсии и ещё трёхсот долларов в месяц ему вполне хватает на то, чтобы спокойно изучать Большую Советскую Энциклопедию, слушать «Эхо Москвы», платить соседке за приготовление еды и уборку и не задумываться о хлебе насущном.

Маленький Никита стал большим Никой, ест фастфуд, играет в бейсбол, летом ездит к дедушке в Россию и мечтает стать полицейским.

Бабушка, Маринкина мама, раз в неделю ездит в православный храм в соседний город, ходит на фитнес в русский клуб и всё свободное время проводит в интернете, общаясь с оставшимися в России подругами.

Сама же Маринка теперь врач, работает в том же госпитале, где начинала, на полставки. Почему на пол? Просто очень много времени занимает управление своими десятью сдаваемыми в аренду домами. Вы даже не представляете, какое это хлопотное дело – то кран потечёт, то электричество чего-то там перегорит, то крыша прохудится. А ещё газоны стричь нужно.

Да мало ли что.

Подарочек

А подарить что-то было нужно. Каждый год Андрей Евгеньевич с женой мучились этим вопросом. Да и не только они. Всё население Земли ищет этот ответ достаточно часто. Бывают торжества маленькие, семейные. Бывают масштаба района, города, страны. Но раз в год, в конце декабря, подарочно-покупочный психоз охватывает всё население планеты. И каждому жителю приходится решать – кому, сколько и на какую сумму. Это время действительно ужасно. Вспоминаются все-все родственники, знакомые, родственники знакомых, знакомые родственников, нужные люди. И всем этим обычно командуют жёны. Только в их, непонятным образом устроенных мозгах, может удерживаться информация об этой толпе тётушек, дядюшек, бабушек, дедушек, учителей, начальниках и так далее. И о том, кому что нужно, кто чему будет рад и наоборот, кого что может разозлить или обидеть.

Однако сейчас, по счастью, вопрос перед Андреем Евгеньевичем стоял маленький, семейный, но от этого не менее важный. Племяннице жены исполнялось 12 лет. И к выходным, когда они были приглашены в гости, нужно было купить подарок. Племянницу в семье любили, и все вместе уже который день предлагали различные варианты. Хорошо было на закате эпохи застоя – тогда вопрос о подарках стоял несколько в иной плоскости. То есть и тогда решить «что купить» было нелегко. Но ещё труднее было найти ответ на вопрос «где?». А когда «где» и «что» решалось, да ещё на заветной вещи ярко маячил ярлычок с латинскими, заморскими буквами, то удовольствие от процедуры одаривания получали все – те, кто дарил, надувались от гордости за свою прыть и пронырливость, а счастливый обладатель импортной вещицы с замираньем сердца раскрывал не по-здешнему яркую упаковку. Да, золотые были времена.

А мама у племянницы была банкиром. Настоящим. Председателем правления крупной банковской ассоциации. И вопрос с подарком превращался просто в неразрешимую головоломку. Вы представляете разницу между доходом учёного, кандидата или даже доктора наук и сержанта с палочкой полосатой, на перекрёстке стоящего? Муху со слоном сравнить проще. А тут – целый банкир. Вернее, банкирша. Весь мир объездила, везде была, всё видела, всё имеет. Но в быту человек добрый и милый, и дочка такая же. Была бы хапугой – проще тогда. В гордости своей нищенской нос задери и презрительно с ними, богатенькими, не общайся. Но нет, нормальным человеком удалось остаться ей, и потому любили её родственники, как себе подобную. И вопрос с подарком поэтому зудел и покоя не давал. «Ну что, что? А вдруг не понравится, а вдруг уже есть? А вдруг...»

Конечно, может и не понравиться, но виду не подадут, всё равно спасибо скажут. И может уже и есть такое, а если нет, так потому, что не нужно, не интересно. А ведь хотелось, чтобы как раньше – чтоб блеск в глазах, дыханье восхищённо замершее, пока упаковку срывают нетерпеливо, и...

Выход был найден в интернете. Как младшему сыну удалось попасть на этот сайт, потом никто вспомнить не мог. То ли рекламу по телевизору увидел, то ли мышкой случайно на ссылку ткнул. А может вирус какой отправил компьютер по этому адресу. Да только погас вдруг экран, потом засветился тёмно-синим светом и проступила в верхней, левой его половине надпись буквами золотыми, объёмными.

«Необычный подарок»

И искорка по строчке пробежала, блеснув призывно. В углу нижнем квадратик со стрелочкой замигал, нажать туда приглашая.

Так завораживающе красива была заставка, так элегантно, и в то же время немного таинственно поблескивала благородным золотом надпись, что младший сын и не заметил, как курсор уткнулся в квадратик в углу и указательный палец нажал клавишу мышки.

Вечером вся семья сидела у компьютера.

«Наша продукция безопасна в применении и имеет сертификаты РОСТЕСТа, ISO, US NaturProtect, EU Sert. Упаковка соответствует всем международным нормам по экологичности и легко утилизируется, саморазлагаясь на свету в течении 12-и часов» – первые строчки рекламной странички, видимо, по международным правилам, успокаивали потенциального потребителя по поводу возможного причинения вреда окружающей среде. Прочитав ещё несколько строк, будущий покупатель не мог не устыдиться того, что он своим существованием наносит природе непоправимый ущерб из-за невозможности саморазложиться, самоиспариться и самотрансформироваться в кислород и озон в течение ближайших 24-х часов. Андрей Евгеньевич, как глава семьи сидевший за компьютером, хмыкнув, пролистнул эту экологическую белиберду и остановился на инструкции по применению. Она была написана в современном, пошагово-картиночном стиле с минимальным набором слов. Любая блондинка, футболист или даже депутат могли, благодаря этому американскому изобретению, не отрываясь от своих повседневных дел, ввести в действие предлагаемое устройство.

«Так, значит, снимаем упаковку... заливаем водой... в тёмное тёплое место на три дня... потом к свету... ещё два... ух ты!»

«Вот это да! Ничего себе!» – все восхитились, когда после того, как курсор ткнулся в последнюю картинку, на экране расцвёл прекрасный, никогда не виданный ранее цветок.

«...И это прекрасное, наполненное светом и сияющей энергией растение долгие годы будет радовать Вас и Ваших близких сказочной красотой!» – гласила заключительная часть инструкции.

Решение было принято и младшему сыну, как наследнику это чудо, почётно доверили сделать заказ. А потом, посоветовавшись, родители попросили его заказать ещё один цветок, для себя.

Уже через день, вечером, в дверь позвонили и немногословный курьер в куртке и кепке-бейсболке с надписью «сделаем мир лучше», отказавшись от чаевых, вручил два небольших пластиковых контейнера. Один из них был убран на шкаф – пусть подождёт до торжественной даты. Другой же отнесли на кухню и там, согласно инструкции, дёрнули «резким движением вверх» торчащую ленточку. Раздался слабый хлопок и крышка контейнера открылась. Внутри оказался стаканчик, в котором, в чём-то похожем на песок, водоросли и мелкие камешки, лежало яйцо.

– Может, нужно вынуть из контейнера?

– Да нет, оставь там. Давай, тащи воду.

– А сколько её лить? До краёв?

– Или чуть-чуть?

– Мне кажется, нужно всё-таки вынуть и посмотреть, может есть какая-то риска, уровень отмечающая.

– Во, блин, нашла!

Пока все спорили, старшая дочка, подпрыгиваясь в такт звучащей в наушниках музыке, прочитала инструкцию, лежавшую внутри контейнера. Наушники она не снимала, наверное,

даже моясь в душе. Трудный возраст сказывался. Колечко в носу и ещё два, маленьких, на левой брови, куртка – косуха, дикого вида друзья и подруги – этого всего ещё год назад интеллигентные мама с папой и представить себе не могли.

– Тут же всё, блин, просто. Всё нарисовано, смотрите.

И она протянула листик с картинками. Действительно, всё было предельно просто: Наливаешь воды столько, чтобы яйцо покрылось до половины, закрываешь крышку, через 72 часа открываешь и так далее, до появления обещанного чудо-цветка.

Через три дня, как раз накануне дня рождения племянницы, крышку открыли, достали стаканчик и поставили его на подоконник, поближе к свету. Вода за это время почти испарилась. Водоросли из бесцветных белых травинки стали яркими, красно-жёлтыми. На макушке яйца появилась большая трещина и оттуда выглядывало нечто, похожее на стебелёк. Внешне всё это выглядело не очень приятно, но Андрей Евгеньевич напомнил сказку о гадком утёнке и все дружно решили, что да, именно из такой дряни и вырастет прекрасный цветок.

День рождения прошёл прекрасно. И подарок пришёлся как нельзя кстати – племянница уже третий месяц, как выяснилось, увлекалась выращиванием цветков в горшках. Рекламный буклетик с описанием чудо-цветка рассматривали и восхищались все гости, при этом заглядывая в только что открытый контейнер и рассуждая о том, как это здорово.

Вечером, сидя на кухне и отдыхая от похода в гости (а это всегда нагрузка, как бы хорошо там ни было), Андрей Евгеньевич, открыв сахарницу чтобы насыпать песку в чашку, удивлённо вздрогнул. В белом песке копошился с десятков каких-то непонятных мошек. Он поднял глаза и посмотрел на остальных домочадцев. Те как ни в чём ни бывало пили чай.

– Вы ничего не заметили? – спросил он.

– А что случилось?

– Да в сахаре какие-то червяки завелись. Надо его выкинуть.

– Да? Дай посмотреть.

Сын глянул внутрь и скривился.

– Фу, дрянь какая. Я, наверное, эту гадость съел. Со мной ничего не будет?

– Небось, блин, глупее не станешь – сострила сестра.

– Да они и в печенье тоже. Смотрите. – Андрей Евгеньевич показал всем надкусанное только что печенье, из которого выползал мерзкого вида червячок.

– И откуда это взялось? Ладно, это выкинем и надо остальные продукты посмотреть, может там кто завёлся.

Но больше ничего не нашли и все разошлись спать.

Утро, как обычно, красило нежным цветом стены древнего кремля. Просыпался великий город. По пустынным ещё улицам разъезжались по домам завсегда и ночных клубов. И совсем скоро улицы и переулки, метро, трамваи и троллейбусы стали заполняться людьми. Поток транспорта становился всё гуще. Потом ещё гуще. Потом ещё. На всех дорогах, ведущих с окраин к центру города, выстроились пробки. А на магистралях, ведущих от района правительственных дач к деловым и политическим центрам, эти пробки стали многокилометровыми. И только по свободным резервным полосам с воем сирен и блеском мигалок на крышах проносились то поодиночке, а то целыми кортежами, огромные чёрные автомобили, часто в сопровождении ещё более огромных джипов охраны. То слуги народа, чиновники всех мастей, спешили к себе в кабинеты радеть за счастье избравшего их электората. А этот самый электорат, что бы не помешал заботиться о себе, был остановлен и выстроен в многочасовой затор. Начинаясь день был полон обычной утренней суетой.

В квартире Андрея Евгеньевича, где царил непривычная тишина, раздался звонок. Длинный, потом два коротких, потом, немного подождав, ещё один, совсем коротенький.

Вся семья сидела на кухне за столом. Когда в дверь позвонили, они посмотрели друг на друга, Андрей Евгеньевич кивнул и дочка, чудесным образом преобразившаяся со вчерашнего вечера (гладко причёсанная, без колец в носу и бровях), пошла открывать входную дверь.

Снаружи стояли два молодых человека, одетые в куртки и кепки-бейсболки с надписью «сделаем мир лучше». Вошедший первым – он, видимо, был старший – пристально посмотрел в глаза открывшей дверь девушке, кивнул, и второй втащил в квартиру большую спортивную сумку. Затем все прошли на кухню. Там сумку поставили на пол и достали из неё четыре комплекта такой же одежды, как была и на пришедших.

Пока Андрей Евгеньевич с семьёй переодевались, помощник подошёл к подоконнику, взял с него стаканчик с чудо-цветком и положил его в освободившуюся сумку.

Через десять минут из подъезда вышли шесть человек, одетых в красивую тёмно-синюю униформу с золотой надписью и сели в такого же цвета микроавтобус, стоящий на стоянке перед домом. Машина плавно тронулась и выехала со двора.

* * *

В центре управления посередине зала стояла большая трёхмерная модель планеты. Масштаб можно было изменять по желанию. И при самом большом увеличении становилось видно каждого человека, двигающегося по поверхности. А при нормальном, стандартном, всё было похоже на огромную трёхмерную карту, где люди сливались в серую массу. Где-то зеленели леса, голубели моря и океаны, желтели пески пустынь. А где-то всё было затянуто серой шевелящейся пеленой. Это огромные мегаполисы жили своей суетливой жизнью. Но то здесь, то там в этой серой мгле загорались яркие, весёлые оранжевые точки. И с каждой минутой их становилось всё больше и больше. Вокруг одной появившейся точки через некоторое время обязательно вспыхивали ещё и ещё. И даже без компьютерного прогноза было понятно, что недалёк тот час, когда вся планета вместо серой и унылой станет яркой, оранжево-весёлой.

Директор центра, довольно помахивая хвостом, ещё раз окинув взглядом модель планеты, быстро пополз, перебирая всеми своими шестнадцатью лапками, на доклад в зал заседаний. Что же, ему было чем похвастаться. Подсунув здешним разумным существам много лет назад идею интернет-торговли, он теперь мог посылать туда космические корабли с отрядами спящих во время полёта колонизаторов не боясь враждебного приёма. Аборигены, получив заказ, сами заботились о размораживании гостей, чётко следуя всем инструкциям. И через некоторое время становились послушными помощниками-распространителями. А обмана тут никакого. Цветок, прекрасный чудо-цветок действительно скоро расцветёт – просто вся планета скоро превратится в один яркий оранжевый куст.

Почти «дорожная история»

Мотор работал тихо и ровно. Наверное, не так тихо, как на иномарках, но всё равно, его урчание было приятно-равномерным. Рано садящееся зимнее солнце почти касалось верхушек деревьев у дальнего леса.

Дорога была пустынной и, что редко встречается на бескрайних российских просторах, трёхполосной.

Нет- нет, не подумайте плохого, естественно, три полосы шли не в каждом направлении. Их было всего три: туда, обратно и средняя, для обгона. Для избалованного автобанами европейца это могло показаться сельской тропинкой, вьющейся между лесов. Но если вы когда-нибудь обгоняли фуру за фуруй на обычной русской туда-сюдайка, да ещё зимой и в сумерки, когда белая, заснеженная трасса сливается с обочиной и кюветом, то тогда поймёте, почему так умиротворённо и расслабленно слушал музыку Лёха на новой (ещё и года нету) Газели, везущий срочный груз нефтяникам в Усинск.

До Сыктывкара оставалось всего километров сто пятьдесят, и он вполне справедливо надеялся часа через три быть уже там, остановиться на ночь на одной из многочисленных придорожных стоянок, посидеть в кафешке, слушая байки дальнобойщиков, а потом, поспав часов шесть, рано утром выехать дальше на север.

Так бы оно и было, но...

* * *

Москва, Кремль, 6 месяцев до этого.

Совещание в кабинете президента.

– Я думаю, необходимо каким-то образом усмирить зарвавшихся олигархов.

– Особенно нефтяных, господин Президент

– Да, в первую очередь нефтяных. Они узурпировали все природные богатства страны и гонят нефть на экспорт, при этом бессовестно уклоняясь от уплаты налогов. Какие предложения?

– В правительстве давно лежит законопроект о...

– Надоели ваши законопроекты, предложения и прочее словоблудие. Короче – что бы через неделю был принят закон о введении акцизных сборов на торговлю топливом, как оптом, так и в розницу. Я им устрою загогулину, понимаешь.

– Недели мало, господин Президент. Дума, совет федерации...

– Что???

Все присутствующие подобрались, сжались и с большим вниманием уставились в разложенные на столе бумаги. И только один, невпопад затеявший полемику, не смел отвести взгляда. Хотелось встать и, вытянув руки по швам, замереть по стойке «смирно». Однако тяжёлый взгляд вдавливал его в мягкое кресло.

– 93-й год вспомнить захотели? Дума! Думать будет, когда я разрешу. По-ни-ма-ешь. Неделя, не больше. Всё. Совещание окончено.

* * *

Сыктывкар, тот же год, месяц спустя.

Совещание в кабинете депутата местного законодательного собрания.

– Почти на двадцать процентов! Вы подсчитали, сколько это в деньгах будет, а? – Андрей Евгеньевич (для близких просто «Счётчик»). Эта кличка за ним с малолетки приклеилась, когда первая ходка по глупости была, за хулиганку. Всегда математику любил, циферки складывал. Потом уже, когда вырос и стал должников на счётчик ставить, это умение ему пригодилось – проценты долга вычислялись мгновенно. Так «Счётчиком» для своих и остался. Депутатом стал, хозяином у себя в районе. И про кличку знают теперь только самые приближённые. Это как пароль стало, как допуск к секретным сведениям. Кто знает – тот допущен. А биографию ему подправили – что в тюрьме сидел, того не изменить, только теперь официально значится, что мучился он за убеждения свои, за народ страдал. И народ этот верит, – избирает, куда скажут. Были тут, правда, по началу несколько особо ретивых правдоискателей – журналистов. Вечно норовят всё изгадить, но и на них управа нашлась – случай помог. На рыбалку по осени собрались, да и сгнули. И не мудрено ведь, леса-то печёрские краёв не имеют. Безграничны леса те, и не хожены. Потому как непроходимы.

Да, грустная история. Андрей Евгеньевич сам тогда спасательно-поисковые работы возглавлял, по тайге дней пять бродил – куда там, всё без толку. Жалко ребят. Молодые были, неподкупные, перспективные).

Стукнул кулаком по дубовому столу, из Италии привезённому. Все притихли.

– Денег им там, в Москве, мало, что ли. Акциз придумали. А нам что делать прикажете, а? Как на хлеб зарабатывать?

Разволновался Андрей Евгеньевич, разнервничался. И повод к этому был. Разве можно на одну депутатскую зарплату прожить, пусть даже и скромно? Ну спонсоры помогут, ну прибавки там всякие, льготы, подарки немудрящие. Да и какие в нашей глуши подарки, откуда? Это в столице депутатам, чтобы правильно голосовали, виллы да яхты дарят, а здесь? Выше джипа и фантазия-то ни у кого не поднимается. А куда их, джипы эти, девать? Пришлось вон один даже начальнику милиции подарить, пусть хулиганов ловит-гоняет.

Понимал это Андрей Евгеньевич, и потому кроме депутатства имел небольшой, но прибыльный бизнес – бензином торговал на бензоколонке. Не сам конечно пистолеты в баки машин вставлял, а руководил этим процессом на всех 97 заправках области, которые ему принадлежали. А на оставшихся 45 тёща с зятем и дочкой управлялись. Так и жили – скромно, но в достатке. И вдруг – акцизный сбор.

Потому теперь совещание. Как жить дальше, как кусок хлеба свой сохранить?

Цены не поднимешь – враз из Москвы окрик последует. Там с этим строго, следят, чтобы не баловали, народ не грабили сверх положенного.

Однако Русь-матушка всегда славилась мудростью народной, а Андрей Евгеньевич как раз из народа и происходил и обижать его, а тем более грабить, не желал. К вечеру решение было найдено. Да такое, что в результате все в выигрыше оказались: семейный бизнес ничуть не пострадал, а даже получил маленькую, но прибыль, цены на горючее остались прежние, а местный химкомбинат получил большой и постоянный заказ на производство добавок, повышающих октановое число бензина.

* * *

Но надо заправиться, в баке меньше половины осталось. Лёха не первый раз уже раз ехал в Усинск и помнил нечастые в здешних краях бензоколонки хорошо. Поэтому единственное, что его беспокоило, это то, что 92-го бензина на ближайшей, через 30 километров заправке, могло не быть. И тогда придётся гнать ещё не менее 50-и вёрст. А он этого не любил. Правило было такое: осталось полбака – заправляйся. Мало ли что может случиться в дороге.

Впереди показались габаритные огни фуры, за ней ещё. Через несколько секунд, обдав лёхину Газель снежным вихрем и приветственно погудев, оба грузовика растаяли в надвигающихся сумерках.

«Московские, домой спешат» – подумал Лёха, мельком глянув на номера встречных машин. И опять впереди только сереющий сквозь лёгкую позёмку асфальт дороги.

Стемнело как-то незаметно быстро. Вот только что по бокам был виден лес, полянки, ложбинки оврагов, а теперь уже машина идёт как в тоннеле, только пучки света от фар освещают дорогу, а вокруг – как стена. Тёмная, холодная и тревожная. Хорошо, что встречных машин нет, можно врубить дальний свет и гнать себе, не напрягаясь.

Ехалось хорошо. Может, покурить? А то в сон клонит от тепла и монотонности.

Лёха нажал кнопку пассажирского стеклоподъёмника (он всегда приоткрывал стекло, когда курил, со стороны пассажирского сиденья – и кабина от дыма проветривается, и в голову не надует). Стекло еле заметно дёрнулось и всё.

Что за чёрт? Понажимал кнопку туда-сюда, затем своё окно открыть попытался – бесполезно. Примёрзло.

«Ладно, потом, после заправки покурю» – подумал он и включил на магнитоле канал, по которому вещал «Маяк». Здесь работал уже местный, Коми-пермьякский радиоузел, который отличался от центрального тем, что часто передавал областные новости и погоду.

Так и есть, минут через пять Лёха узнал, что за бортом у него сейчас «25–30, а ночью до 37 градусов мороза».

«Ничего себе» – он даже присвистнул.

Фары выхватили из темноты знак, предупреждающий, что до бензоколонки 1 км.

На заправке – ни одной машины. Тишина морозная аж звенит. Особенно после непрерывного многочасового моторного гула. Двигатель выключил, выскочил из кабины и как будто оглох.

А мороз такой прихватил сразу, что назад, в кабину тёплую захотелось. Обычно Лёха на заправках минут по пять-десять прогуливался, ноги и спину затёкшую разминал. А тут не стал, залил побыстрее бензина в бак до полного и, захлопнув за собою дверцу, побыстрее включил мотор.

«Бр-р-р» – с холода в тёплой, не успевшей остыть кабине его пробрала дрожь.

Свет фар выхватил из темноты рекламный щит при выезде на шоссе. На нём Андрей Евгеньевич, одетый в униформу сотрудника бензоколонки, держал в одной руке заправочный пистолет, а другой приветственно махал. «Удачи и счастливого пути!» гласила надпись над головой местного олигарха. А глаза его лучились задумчивой добротой.

Лёха подмигнул плакату, сказал «спасибо» доброму заправщику и вырулил на дорогу. Прибавил звук в магнитоле, поудобнее устроился на сиденье. «Если всё пойдёт нормально, через час-полтора буду в Сыктывкаре, и там заночую» – подумал он.

А через час двигатель чихнул несколько раз и заглох. Машина встала.

«Вот зараза, этого ещё не хватало». Лёха выжал сцепление и повернул ключ зажигания. Зажужжал стартер, пару раз фыркнул мотор. «Что за бред?» Снова попробовал завести. На этот раз тишину нарушило только жужжание стартера. Двигатель даже не фыркнул. Ещё раз – тот же результат.

«Так и аккумулятор посадить недолго» – мелькнула мысль – «И что там могло случиться? На ходу, на горячем, разогретом двигателе. Катюшка? Свечи? А может просто провод какой отошёл?»

Очень не хотелось выбираться из тёплой кабины и лезть под капот. В надежде на чудо Лёха ещё раз повернул ключ. В ответ – только жужжание стартера. Да, не повезло.

Вытащив из бардачка пару ключей и отвёртку, он надвинул поплотнее шапку, до горла застегнул куртку и надел тонкие нитяные перчатки, которые вряд ли могли защитить руки при тридцатиградусном морозе, выпрыгнул из кабины на снег. Огляделся. Нигде ни огонька. Только в ледяном небе блестели миллионы равнодушных звёзд.

Подняв капот и прицепив переноску, Лёха нагнулся над тёплым двигателем. Проверил бензонасос, провода. Вывентил свечи. Они были сухими и без копоти. Почему мотор заглох, непонятно. Немеющими уже пальцами он захлопнул капот и полез в кабину. Там всё ещё было тепло. Уселся поудобнее и, выжав до упора сцепление, попробовал завести машину – увы, чуда не произошло. И тут он занервничал.

«Сколько я тут продержусь? Ещё час, два? А что потом? А если до утра не проедет никто, что тогда?»

И в этот момент в зеркале заднего вида вдали мелькнул свет фар. Через мгновение Лёха уже стоял на дороге, размахивая фонарём. Фары быстро приближались. Уже стало видно, что едет три больших машины, три фуры. Вот первая включила правый поворотник и начала притормаживать, но потом вдруг, уже перед самой Газелью, резко вильнула влево и пронеслась мимо. За ней вторая и третья. Лёха даже опомниться не успел и только ошарашенно смотрел на удаляющиеся габаритные огни.

Плюнул, злобно выругался, подошёл к мигающей аварийкой машине и опять полез в мотор. Сняв воздушный фильтр и открыв карбюратор, он сразу понял в чём дело – жиклёры были покрыты льдом. Он даже присвистнул от удивления и досады. Бензин! Просто дерьмовый, разбавленный водой или ещё какой-то гадостью бензин замёрз на ходу на тридцати градусном морозе.

«Счастливого пути!» – вспомнил Лёха плакат на заправке. «Скотина! Чтоб тебя...». Размахивая руками и прыгая, чтобы согреться, он стал думать, что делать. Собственно, что делать, теперь было понятно. Карбюратор надо снять, отнести в тепло, дать ему оттаять, поставить назад и не торопясь, километров 40–50 в час, ехать до стоянки. На маленькой скорости двигатель будет меньше продуваться и бензин вряд ли снова замёрзнет. Всё просто. Только где взять это самое тёплое место? В кабине? Так там уже сейчас не жарко, а совсем скоро будет так же холодно, как на улице.

Опять показались фары, теперь спереди, со стороны Сыктывкара. И вновь машина, слегка притормозив, промчалась не останавливаясь мимо прыгающего и размахивающего фонарём Лёхи и стоящей за его спиной Газели.

Становилось холодно. Совсем холодно. Он уже давно не чувствовал пальцы ног, немели и плохо слушались руки. Мороз пробрался даже под толстую, тройной вязки шапку и сковал как будто металлическим обручем голову, особенно почему-то затылок. Нужно было что-то делать. Лёха с трудом открыл задний борт и достал из кузова запаску. Ещё не старое и в общем-то хорошее колесо. Швырнул его на снег и, спрыгнув следом, оттащил его подальше от машины. Сначала на обочину, а потом, подумав секунду и чертыхнувшись, бросил его прямо на середину дороги. Подошёл к бензобаку. Попытался отвинтить сливную пробку, но пальцы не гнулись и не слушались. Тогда, сжав кулаки, Лёха начал в исступлении лупить по доскам кузова. От мощных ударов машина покачивалась. «На тебе, гадина, на, на» – на каждое слово – удар, слова всё быстрее, удары всё резче – «Сволочь, счастли-во-го пути. Гни-да». Он уже не видел и не чувствовал ничего. Перед глазами стоял плакат с добродушным заправщиком и по нему, по улыбающейся физиономии, он бил изо всех сил.

Резкий прерывистый гудок привёл его в чувство. Мигая фарами и сигнала, приближалась очередная фура. Водитель вовремя заметил лежащее на дороге колесо, но затормозить не успевал, а объехать его не хватало места. Лёха бросился вперёд и оттащил запаску в сторону. Всё ещё продолжая сигналить, грузовик проехал мимо и начал удаляться, набирая скорость. «Конечно, кто остановится. Все подстав и бандитов бояться» – подумал Лёха, водружая колесо

назад. Потом сплюнул на снег и оттащил его немного в сторону, оставляя место для проезда. Избитые руки болели, но зато согрелись. Да и самому стало теплее и пришло какое-то спокойствие. Можно подумать, действительно разделался с заправщиком. Сливная пробка отвинтилась легко, бензин ливанул в подставленное ведёрко и через пару минут Лёха уже сладостно щурился у полыхавшего коптящим пламенем колеса.

Темнота ночи, расступившаяся вокруг огня, стала ещё гуще и холоднее за пределами светового круга. Лёха вытащил из кузова какой-то ящик, подтащил его к огню, кинул сверху старый ватник, в котором обычно лежал под машиной и устало опустился на него.

Минут через сорок проезжавшая мимо «девятка» остановилась. Водитель, опустив окно, сочувственно выслушал подбежавшего Лёху. Но чем он мог помочь? Промёрзшую Газель нужно было тащить в тёплый бокс и там отогревать, а потом уже разбираться, что к чему. Тащить трёхтонную машину маленький жигулёнок, конечно, не мог. Поэтому, отдав Лёхе пачку сигарет и пообещав сообщить о случившемся на ближайшем посту ДПС, «девятка» умчалась в темноту.

И вновь он остался один. С тоской проводив взглядом удаляющиеся габаритные огни машины, он вернулся к огню. Запaska горела, но уже не так ярко и жарко. «Минут сорок до поста. Потом, пока они найдут тягач, пока приедут – часа три пройдёт, не меньше» – прикинул Лёха, устраиваясь поудобнее. «Придётся снимать одно заднее колесо, иначе не протянуть».

* * *

*«Конец простой – пришёл тягач
И там был трос, и там был врач»*

– Хриплый голос Высоцкого заполнил салон эвакуатора. Лёха сквозь сон в жарко натопленной кабине пытался подсчитать, во что обойдётся ему ремонт, покупка новых колёс и этот КАМАЗ, тянувший сейчас на жёсткой сцепке Газель. Получалось много.

«Да и чёрт с ним, живой ведь. Это главное» – расслабившийся мозг отталкивал всё плохое и погружался в приятный, облегчающий сон. А утро вечера, как известно, мудренее. И он, перестав подсчитывать, уснул.

А в далёкой, сияющей огнями Москве в этот момент вручалась премия «Бизнесмен года». И в номинации «Стабильная цена и качество» первым в списке стояло имя Андрея Евгеньевича, предпринимателя и просто хорошего и доброго человека.

В такси

Несколько историй, рассказанных случайными попутчиками, поймавшими машину. Стоят на тротуаре, голосуют. С удивлением смотрят на тормозящую большую чёрную иномарку. Говорят в приоткрытое окно адрес и садятся. Садятся всегда почему-то на переднее сидение, рядом с водителем. Почему? Трудно объяснить. Сзади ведь безопаснее во всех отношениях. И везде в мире пассажиры всегда открывают заднюю дверь. Однако здесь – другие привычки, другие правила, другой мир. Все истории были рассказаны в 2012 году.

Пассажир № 1.

Женщина лет шестидесяти. Хорошо одета. Усевшись, первым делом немного испуганно, даже нет, не испуганно, а как бы извиняясь, сообщает:

- У меня только 100 рублей.
- Не переживайте. Денег не надо.
- Совсем? Ну как это...
- Конечно. Расскажите вместо этого какую-нибудь историю из жизни. Согласны?

Опять небольшое удивление. Буквально секунду.

– Хорошо. И даже заулыбалась. Вот вам история. Я курила много лет. Больше десяти. И вся семья курила – муж, дочь. А бросили одновременно, в течении месяца. Вера в Бога помогла.

Мы всегда были жуткими атеистами. Самонадеянными, суеверий не понимали. Ну, как большинство в СССР. И вот однажды, года два назад, весной, пришли к нам знакомые. Так, не очень близкие. Но иногда встречались. Как раз перед пасхой дело было, перед католической. А знакомые – протестанты. И надо было им чего-то там в церковь ихнюю отвезти, литературу какую-то. А машина сломалась. Посидели мы, чаю попили, и повезли их с мужем.

Приехали, коробки выгрузили, внутрь занесли. А там как раз занятия начинались с прихожанами, что-то типа воскресной школы для взрослых. Ну, мы и остались. Через полгода крестились. А потом решили, что надо бы бросить курить, ведь курение – это грех. Дочка легко бросила, почти сразу. И муж, лет тридцать куривший, тоже без проблем. А я никак не могла. Бросала, месяц терпела и опять срывалась. И ведь понимала, что грех это, но ничего не могла с собой поделать.

Молилась всё время, но не помогало. Так целый год промучилась. А потом, однажды, придя в воскресенье со службы, сунула руку в карман плаща и на пачку сигарет наткнулась. Как ужалило меня. Прямо в прихожей упала на колени и взмолилась, чтобы освободил меня Бог от желания этого – курить.

После обед приготовила, поела, машинально сигарету достала, затянулась. Вечером ещё одну, перед сном. И тут началось – жуткая изжога. Было такое ощущение, будто горчичиками рот, лёгкие, пищевод, да вообще все внутренности обложили. Промучавшись всю ночь, только под утро забылась в полубреду. И всё, с того самого утра не курю. Как рукой сняло.

Пассажир № 2.

Женщина, возраст размазан – от сорока до пятидесяти. Одета вроде чисто, современно, но как-то всё серо-чёрное. Одежда с рынка. И лицо простое. Называет адрес, и сразу цену – без вопросов, утвердительно. Говорит с мягким южным акцентом. Когда узнаёт, что денег не потребуется, пытается возражать, но не сильно.

- Расскажите какую-нибудь историю из вашей жизни.
- Какую историю?
- Ну, что-нибудь, что вам запомнилось, удивило.

– Да нет у меня никаких историй, всё как у всех.

– Так расскажите, как у всех, пока едем.

Немного подумав, согласилась.

– Ну, вот, сейчас с Украины приехала, два месяца там была. Да-а. Маму ездила хоронить. А почему так надолго ездила – пока квартиру на себя переписывала, в наследство вступала, вот время и прошло. Ну вот, пока меня не было, с работы здесь уволили. В супермаркете работала, кассиром. Ну конечно, если бы я на неделю уехала, то оставили бы, а так – кто же будет столько времени ждать. Ну и уволили.

– В Москве квартиру снимаете?

– Нет, почему. С мужем живу. Он москвич, в его квартире и живу. Двадцать лет назад приехала, замуж и вышла. Двое детей у нас – сын и дочка. Сын то большой уже, у девушки своей живёт, а дочка с нами. Так и живём. Денег только мало. А у кого их много то, а? Я вот кассиром тыщ 25 получала, и муж на скорой водителем, грязными 35 платят. Двое суток через двое. Вот на полтинник в месяц и живём. Вроде хватает, но ничего лишнего не купишь. Да дочка растёт, ей много надо, хоть и не просит. У мужа то раньше халтура была, бензин приписать, запчасти. А теперь, как ввели жипиесы эти да карточки, ни копейки не получается схалтурить. Так и крутит баранку целыми днями за одну зарплату.

А вообще-то тут, в Москве, прожить можно. Вот на Украине, там беда.

– А вы откуда?

– Да с Донецкой области. Там всей работы – на шахте лишь. И то мужикам только.

А жёнам либо в магазин, либо, если детей малых нет, на приработок в Россию, больше некуда. Да и ладно бы на шахте платили, так ведь по два – три месяца задерживают. И получка-то – 800 долларов в месяц. Шахтёр. Разве ж это деньги?

Так многие лицензию покупают и просто во дворах уголь копают. Человека по три-четыре в яму залезут и роют. Ну и гибнут, конечно, часто. Заваливает их, засыпает. Крепи то не ставят, как положено, экономят, торопятся. Так что на Украине совсем беда, а то кто бы от семьи сюда поехал. Ну вот, так и живём, никаких событий-то не происходит. Денег нету на события эти.

Пассажир № 3.

Обычный работяга, каких тысячи кочует по стройкам страны. Не разнорабочий, нет, знающий себе цену специалист – экскаваторщик. Стоит на обочине, голосует, на траве большая спортивная сумка с вещами. Стоит на развилке дорог – сзади и спереди километров на пятьдесят по основной трассе жилья нет. Подвезли его до перекрёстка и высадили. Увы, ему сюда, на второстепенную тупиковую трассу, через семьдесят километров упирающуюся в забытый Богом городок. А на дворе октябрь, плюс два на улице и яркое солнышко совсем не греет. Мёрзнет.

С удивлением посмотрел на большую чёрную машину, мигнувшую поворотником и свернувшую на обочину.

– Довезёте?

– Садитесь, конечно же.

Несколько минут был молчалив, приглядывался к тому, кто за рулём – может, начальник какой или из органов. Но потом разговорился и семьдесят километров пролетели незаметно.

– Экскаваторщик я, с вахты возвращаюсь. Вроде ничего устроился, до дома всего километров 150. Мы там – махнул рукой за спину – дорогу делаем. Видали, небось?

Питерская компания строит, у них много объектов. В Ярославле ремонтируют, в Архангельске, Вологде. Много где тут, по северу. Мне ребята знакомые к ним посоветовали. И ничего платят, без задержек. Смена – 2500 получается, 10 часов. Нормально, да? За 20 дней – полтинник на руки и домой, 10 дней погулял и назад. Так то хорошо. И дома по хозяйству успеваешь, и зарабатываешь. Жена, правда, всё твердит, что без оформления работаю, пенсия, мол,

не идёт. А какая на хрен пенсия, всё равно украдут. Я ей – вон, мать твою, 40 лет стажа, 7 тысяч получает. Это пенсия? Поди проживи. Лучше уж сразу на руки. А то ещё налоги вычитать будут, и что тогда останется? Нет, нам лучше так, в чёрную. Да так все и работают – у них только инженера, что из Питера, официально устроены, а мы, работяги, в чёрную.

Но тут контора хорошая, ещё и командировочные дают по 300 рублей в день. Раньше, говорят, вообще сразу давали на неделю, как устроишься. Но народ то у нас, сами знаете, какой – которые и устроятся, деньги эти получают, день отработают и запьют, исчезают. Да...

Вот Михалыч, бугор-то наш, и стал через каждые три дня давать, с задержкой. Но всё равно пьют, беда.

А начальство тоже ведь разное – бывают с умом, а бывают...

Мы-то как привыкли – всю жизнь на наших корытах работали, там можно и масло по полгода не менять, и дизель любой лить – один хрен, работает. А тут японцев этих повезли, так у них ТО через каждые 250 моточасов. Ну, часов тридцать пропустить можно, а потом масла меняй, будь любезен. Ну, сколько это стоит – масло тыщи 3, фильтра тыщу, работа, туда-сюда ещё накинь, ну в 6–7 уложиться можно. Так наш директор, в другой конторе, до этого, раз ТО сделал, два, и механика вызвал и говорит, что-то часто ты масла меняешь.

А чего там, 250 часов – два раза в месяц получается. Ну и говорит, мол, меняй через 500 часов. А тому, механику то, до лампочки, ему сказали, он делает. Ну и стуканули движки на двух Хитаках. И чего этот дурак сэкономил? Правда, и работягам тоже на технику плевать, вахту отработал и ладно. Кому охота простой на ТО записывать?

Говорят – мужики телефон вот мне дали, позвонить хочу – в Вологде контора есть, там за смену 2800 платят и зимой, когда нет работы, по двадцатке за простой вынужденный, перечисляют. Вот там директор молодец. Зато весной только позвонил, вся бригада уже у него, и техника в полном порядке. Никто с работы не увольняется, сами за машинами следят. Но меня, думаю, туда не возьмут, нет у них места. Кто ж оттуда по доброй воле уйдёт.

Да там и далеко от дома, почти 400 километров, не наездишься. Мало ли чего срочно надо приехать. Дети подрастают, двое их у меня – дочери 16 лет и сыну 14. Самый возраст...

А кто присмотрит? Жена в магазине торгует. Хоть и малые, а тоже деньги. Мы уж себе то почти ничего и не покупаем, всё на них, на детей идёт.

Но это сейчас, осенью у неё зарплата 8 тысяч, магазин то в деревне, оборота нет совсем, дачники разъехались. А летом дак хозяин и по 10, и по 12 платит, да, нормально. Могла бы в городе работать, тут продавцам и по 15 платят, но далеко ездить, 20 километров. Так все деньги на дорогу и уйдут.

У нас тут ещё ничего, а я вот в Курске работал, так там работягам местным по 18 тысяч платили, и они довольны – дома, говорят. Зато ездить никуда не надо. У меня 25 за вахту всего-то и выходило.

И уже подъезжая, задал ему вопрос: «Ну, а как вы относитесь к правительству? К Единой России? А то, вот говорят, что это только в Москве да Питере их народ не любит, а на местах все за них, все благодарны.»

И вся любовь к руководителям страны была озвучена несколькими матерными словами, впервые произнесёнными за всю дорогу.

Пассажир № 4.

Сухонький, маленький старичок в тёмных очках. Не говоря адрес, полуутвердительно, полувопросительно: «Довезёте?!»

И очки снял. Вот кошмар – лицо всё в больших чёрных воспалённых родинках, местами пластырем заклеенных.

Вздогнул я, но, через силу улыбнувшись, кивнул и открыл дверь.

– Куда?

– Да в радиологию, в раковый корпус, на Калужской.
– Прямо как у Солженицына...
– А зря усмехаетесь. С ним, с Солженицыным, я ведь лично знаком был. Хотите, расскажу?

С весёлым задором на меня смотрит.

– Не бойтесь заразиться? И правильно – рак у меня, кожи. Не заразно это, сами понимаете.

Уж лет 20, как болею. Врачи курить запретили, на солнце быть запретили, в горы ходить запретили – а я ведь всю жизнь увлекался – на катамаране по речке горной вниз сплавлялся... Да-а... В этом году вот впервые не поехал, весной руку сломал, только зажила.

– Так ведь нельзя же в горы...

– И курить тоже – он открыл холщовую сумку, лежащую на коленях – она была полна блоками сигарет. В больницу вот с собой взял, на пару недель чтобы хватило.

– ?????

– Врачей лечащих я за эти 20 лет троих уже похоронил. И каждый новый одно и тоже талдычит – не кури, на солнце не ходи...

А дальше рассказал он мне такую историю:

Олег Игоревич

Маленькому Олежке жилось, как и всем советским детям середины тридцатых – беззаботно и солнечно. Мальчиш Кибальчиш с Будённым, товарищ Ворошилов и дедушка Калинин.

А по выходным кино с мамой или бабушкой (одного его, шестилетку, пока не пускали). Щорс с Чапаем, да Котовский весёлый обернувшись, во весь экран шашкой над головой кругом «Э-эх-х», коня на дыбы поднимут и по голове прям беляку проклятому.

Как же здорово, что мы их победили! И жизнь теперь одним только омрачена – что нету врагов, некого побеждать, не на кого в атаку нестись под грохот очереди пулемётной.

С папой весной ходил парад смотреть на Красную площадь. Ну, на саму площадь то не пустили. Туда, папа говорит, только самым почётным людям, по приглашению особому, проход на парад открыт. Но на набережной, куда с площади потом техника и солдаты движутся, в толпе постоять можно. Папа его на плечи посадил, чтобы видно было лучше. Вначале пехота шла, с винтовками наперевес. Штыки на солнце сияют, каски тускло отсвечивают. Красота.

Потом конница пошла, с шашками наголо. Как в кино. Но самое главное – в конце. Загрохотало, залязгало и в клубах синего дыма показались танки, тягачи с пушками, грузовики с пулемётами зенитными. А над головой пролетела куча истребителей.

Олежек в тот день так «ура» вместе со всеми накричался, что потом дня три горло сипело.

Но однажды поздно ночью раздался звонок в дверь, и сладкая жизнь кончилась. Папу, врача поликлиники МПС, увели с собой какие-то люди в гимнастёрках с малиновыми петлицами. Мама тихо плакала, лихорадочно собирая вещи ему в дорогу.

Сколько времени потом прошло, Олежек не помнил, но однажды вечером мама, придя с работы, обняла его, посадила к себе на колени и шёпотом рассказала, что папу обвинили в том, что среди его пациентов были арестованные в последствии враги народа. Некоторые из них даже оказались шпионами. А папа этих шпионов, получается, лечил.

– Но ведь он же не знал!

– Тихо, тихо – зашептала мама – Конечно же не знал. И сейчас разберутся и его отпустят.

Однако разбирались органы три года. Папе повезло, его не сильно били, не покалечили, да и в лагере он был помощником врача. И потом каким-то чудом, видимо, благодаря приходу

к власти товарища Берия, следователь, ведший его дело, был разоблачён как шпион польской и аргентинской разведок, расстрелян, а многие его дела отправлены на доследование.

А тут грянула война, через несколько месяцев потерявшая несколько миллионов солдат Красная Армия стала задыхаться от отсутствия пополнения. И хоть Россия и велика, но отступать, как оказалось, было уже некуда. Тут-то оперативно и стали выпускать из лагерей народ, формируя штрафные батальоны и затыкая ими многочисленные дыры на фронте.

И опять повезло папе Олежки. Попал он не просто в штрафбат рядовым смертником, а санитаром в медсанбат, обслуживавший несколько таких батальонов. Такой пункт первой помощи прямо на передовой.

А правило в штрафбате известно – до первой крови – и всё. Реабилитирован. Нет на тебе вины. Искупил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.